

ОТЗЫВ
на диссертацию священника Александра Зиновкина
**“Эсхатология рукописей Мертвого моря:
текстологический и историко-литературный анализ “Апокрифа Даниила” (4Q246),
представленную на соискание ученой степени кандидата богословия**

Данная диссертация является результатом кропотливой научно-исследовательской работы за рубежом, в живом соприкосновении с источниками и научными трудами специалистов с мировым именем, и несет на себе очевидную печать западной школы библеистики. Прежде всего, это сказывается на разработке структуры исследования, без чего сейчас немислима ни одна серьезная научная работа на Западе. Уже на данном этапе закладывается определенная аргументативная стратегия, которая будет реализовываться поэтапно на протяжении всего исследования. Не является исключением и диссертация, представленная к защите. Важно отметить, что ее результаты прошли апробацию на Западе, в ходе успешной защиты двух магистерских работ, а также были озвучены в рамках целого ряда докладов на научных конференциях.

Исследование состоит из введения, трех основных частей, подразделенных на пять глав, заключения, библиографического списка и трех приложений, отражающих опыт проведенной автором текстологической реконструкции и филологического анализа первоисточников. Остановимся подробно на каждом из указанных элементов структуры.

Введение (14 стр.) состоит из подробного описания актуальности и прикладного характера исследования, его целей и задач, подробно освещает вопрос методологии и четко формулирует основные исагогические темы, которые будут развиты впоследствии, как-то: классификация, особенности эсхатологического жанра кумранских рукописей, историческая панорама и *status quaestionis* исследований фрагмента 4Q246. Наглядно представлен план работы, последовательно раскрывающей в пяти главах внутреннее развитие заявленной темы, на основании выработанной структуры.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ (49 стр.) целиком посвящена текстологическому анализу рассматриваемого фрагмента и состоит из одной главы.

В *Первой главе* проводится филологический анализ фрагмента, на основании его всестороннего палеографического описания, дешифровки, транслитерации, датировки. С формальной точки зрения, пристальное внимание обращает на себя циклическая структура фрагмента, прослеживаемая в обеих его колонках. Открытие и обоснование единой структуры позволяет автору проследить ряд нарративных характеристик текста как связной и логической последовательности: преемство и цикличность главных тем, или вернее, мотивов, организованных вокруг единой темы, на которых позднее сосредоточится семантический анализ, а также роль и взаимоотношения основных персонажей, главных и второстепенных, в литературной композиции отрывка.

Филологический анализ состоит из двух частей. В первой восстанавливается и интерпретируется плохо сохранившийся текст первой колонки фрагмента. Нужно отдать должное техническому мастерству автора, реконструирующего текст на основании грамматических и синтаксических особенностей арамейского языка, контекста, семантики, параллелизма слов и выражений, столь характерных для любого семитского языка. Проводимый анализ постоянно сверяется с основными исследованиями в данной области, ссылается на их аргументацию и пытается творчески ее осмыслить, применить и представить в синтетическом виде. Инструментарий привлекаемых автором грамматик, справочных и критических изданий свидетельствует о высоком научном уровне исследования, следующего в русле ведущих библейских институтов филологического профиля: таких, напр., как Папский Библийский Институт в Риме. Во второй части преимущественно анализируются четыре основные темы, выстраивающие структуру и содержание второй колонки фрагмента. Акцент здесь сделан на выявление

нии и идентификации целой плеяды персонажей, заложенной в лаконичном и поэтически оформленном тексте арамейского оригинала. Результаты текстологического анализа резюмируются в заключении.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ диссертации (93 стр.) освещает эсхатологическое учение в корпусе «Яхад». В нее входит *Глава вторая* (23 стр.), описывающая историю секты «Яхад». Этот вопрос напрямую связан с темой исследования, поскольку не находит однозначного решения в кумранологии и потому требует применения комплексного метода в исследовании рукописей, основанного на единстве текстологического и историко-литературного анализа. Для реконструкции исторической обстановки, в которой формировалось учение ессеев, привлекаются данные таких важных кумранских рукописей, как «Дамасский Документ» и «Пешер Аввакум», вводящий в нарративную канву исследованного ранее фрагмента еще одного персонажа — Учителя праведности, стоящего у истоков формирования секты.

Глава третья (69 стр.) посвящена рассмотрению эсхатологии кумранских рукописей и обращается к новым источникам, раскрывающим учение Яхадской общины: «Устав Общины», «Учение о двух Духах», об ангелах и о Пришествии. Более подробно автор останавливается на анализе двух гимнов из «Свитка Гимнов» с их богатым поэтическим символизмом и внутренней динамикой взаимоотношений новых персонажей: две матери, «Первенец» и «Змий», «Чудный советник» и их библейские параллели. Материал исследования чрезвычайно обогащается за счет привлечения новых рукописей («Устав Войны», «Наставление», «Мессианский Апокалипсис», «Мелхиседек») и новых метафор, красочно и рельефно подчеркивающих дуализм и мессианский характер эсхатологических чаяний общины. В заключении подчеркивается терминологическое и тематическое сходство всех изученных и относящихся к разным периодам рукописей.

В ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ (61 стр.) проводится историко-литературный анализ фрагмента 4Q246. В открывающей ее *Четвертой главе* (24 стр.) устанавливается терминологическая и идейная зависимость данного фрагмента от 7 гл. книги Даниила. Загадочная фигура «Сына Человеческого» служит отправной точкой в компаративном исследовании Дан 7 и некоторых близких ему по содержанию апокрифических книг, а также первой главы Евангелия от Луки, обнаруживающей поразительно схожий лексикон с «Апокрифом Даниила» (4Q246). В заключении автор склоняется к мнению, что в исследуемом фрагменте термин «Сын Божий» понимается в мессианском индивидуальном значении и является ранней интерпретацией Дан 7.

Глава пятая (35 стр.) представляет результаты исследования в виде синтеза, обобщая материал всех вышеназванных источников и группируя его по тематическому принципу, на основании дуалистической концепции, заложенной в их основу. Здесь можно выделить целые тематические пласты, находящиеся в живом соприкосновении с мотивами всесторонне изученного фрагмента: эсхатологическая битва и мир, будущие судьбы мира, пришествие Мессии. Дальновидны и выводы, касающиеся мессианского учения кумранских рукописей. Помещая изученные тексты в общий контекст кумранской эсхатологии, автор добивается исковой цели — и это цель любого историко-филологического исследования: — позволить зазвучать невидимым струнам текста более, чем двухтысячелетней давности и услышать живой голос заключенного в нем послания, не потерявшего актуальности и в наши дни.

В *Заключении* (2 стр.) кратко представлены основные результаты исследования.

Библиографический список (13 стр.) включает 138 наименований и упорядочен согласно общепринятым нормам. Необходимо подчеркнуть, что он состоит почти исключительно из иностранных источников, критических изданий, монографий и статей.

В *Приложениях* (43 стр.) приводится оригинальный текст кумранских источников, снабженный подробными текстологическими и филологическими комментариями, и их авторский перевод, тяготеющий к точной передаче смысла, но не буквализму; к филологической и грамматической выверенности, иногда в ущерб стилистической связности и благозвучности текста. Внимательный читатель найдет здесь богатый фактический материал, позволяющий, несмотря на свою разнородность, составить достаточно полную картину эсхато-

логической перспективы общины ессеев. В то же время это — наглядное подведение итогов всего исследования, с его укорененностью в историко-филологическом анализе специфики и внутренней согласованности рассмотренных текстов. Это ключ к пониманию научной парадигмы всей работы, которой наиболее соответствует, по нашему мнению, модель «герменевтического круга»: от частного к общему и от общего к частному.

Структура диссертации, действительно, отражает эту динамику, плавно переходя от текстологического анализа (1-я глава) к общей характеристике секты «Яхад» (гл. 2) и ее эсхатологического учения (гл. 3) и затем вновь — от историко-литературного анализа отдельных текстов (гл. 4) к синтетическому изложению кумранской эсхатологии (гл. 5). Та же динамика характеризует анализ каждой отдельной рукописи на протяжении всего исследования: авторский стиль изобилует обобщениями и характеризуется стремлением к предельной ясности выводов. Несомненными его достоинствами является также живая и смелая аргументация, что выражается в критическом осмыслении и корректировке имеющихся русских и иностранных переводов изученных рукописей, а также в солидной лингвистической подготовке кандидата, достаточно свободно ориентирующегося в сложных текстологических и филологических проблемах, без чего немислима дальнейшая работа по реконструкции и интерпретации текста. Продуктивным является и анализ текста в контексте, компаративный анализ текстов между собой, позволяющий выделить общие темы и закономерности их развития.

Принимая во внимание все отмеченные выше, исключительно положительные характеристики данной работы, непросто противопоставить им аргументы, которые свидетельствовали бы об обратном. Но наша задача состоит отнюдь не в этом. Перечислим вначале формальные недостатки, чтобы перейти затем к замечаниям рекомендательного характера, касающимся содержательной стороны исследования.

Помимо многочисленных орфографических, грамматических, синтаксических и пунктуационных ошибок, свидетельствующих о недостаточной редакторской правке подготовленного к защите текста исследования, требуют внимательного и серьезного пересмотра стилистика и язык некоторых малопонятных фраз и предложений, причем, это относится и к тексту автореферата, несомненно, намного более выверенного стилистически. Например, на стр. 227, требует более ясной формулировки следующее утверждение, которое в той же форме дублируется и в тексте автореферата (стр. 27): «Яхадский корпус не комментирует даниилов термин «Сын человеческий», иначе как такой важный термин мог отсутствовать в мессинской концепции данного корпуса». Во многих местах, из-за стилистически некорректного словоупотребления, затрудняется понимание и самой аргументации, изобилующей технической терминологией и уже в связи с этим представляющейся достаточно трудной для восприятия. В особенности, это относится к главам первой и третьей, посвященным изучению оригинального текста рукописей. Сама терминология не всегда полностью выверена. Это касается, напр., употребления термина «сюжет», который имеет двоякий смысл во французском языке (в значении грамматического «субъекта» и литературной, или нарративной категории «сюжета»), в то время как в русском употребляется только во втором значении.

Затронутая проблема имеет непосредственное отношение и к научному стилю работы, живому и содержательному, как уже было отмечено, но, наряду с этим, нередко и тяжеловесному, осложненному за счет внесения в основной текст диссертации, как нам кажется, излишних подробностей второстепенного характера, причем это относится как к текстологическому, так и историко-богословскому анализу. Возьмем на себя смелость внести два предложения рекомендательного характера, в надежде, что они послужат автору определенным ориентиром в его дальнейшей исследовательской работе, перспективы которой четко обозначены в автореферате (стр. 6, 30 и 31), для более качественного оформления ее результатов.

Во-первых, указанная проблема легкоустранима при помощи введения дополнительных сносок: многие замечания, ссылки и комментарии, подтверждающие приводимую аргументацию и не несущие основной смысловой нагрузки, могут с успехом пополнить справочный аппарат сносок, что только прибавит солидности этому научному труду, сделает его еще более ярким, а, самое главное, придаст тексту лаконичность и убедительность. Это также

позволит избежать неоправданных повторов, которые иногда проскальзывают в работе, особенно в резюмирующих фразах и заключениях.

Во-вторых, в филологических исследованиях подобного типа представляется возможным активное привлечение методологического и научного инструментария иных методов. К таковым относится, например, нарративный анализ, категориями которого автор оперирует при анализе структуры и содержания большинства рассматриваемых рукописей, поэтического звучания заключенных в них текстов, в том числе в рамках проводимого в третьей части историко-литературного анализа. Такие важные составляющие любой литературной композиции, как развертывание сюжета (завязка, кульминация, развязка), главные и второстепенные персонажи, время и место действия, соподчиненность тем и мотивов, лицо, от которого ведется повествование, лингвистический, коммуникативный и социальный аспекты дискурсивных стратегий текста (напр., молитва, воззвание, хвала, обещание, клятва, проклятие и т. д.) и прочие критерии обеспечивают актуальность и содержательность его прочтения современным читателем¹.

Необходимо уточнить, что речь не идет о смене приоритетов в области методологии, а о качественном расширении применяемых подходов в изучении текста. Не отрицая первостепенного значения текстуальной и филологической критики, отметим, что критика нарративная как дополнительный, второстепенный, компонент может позволить исследователю не только оживить свой собственный стиль, вводя в него необходимые в каждом отдельном случае элементы повествовательного жанра, но и заново взглянуть на интересующие его вопросы богословского характера. Так, напр., выяснение семантического значения отдельных слов и фраз, а затем всего текста в его целокупности, чему уделено значительное место в данном исследовании, является важным этапом нарративного анализа на пути к реконструкции т.н. «нарративного богословия»: «рассказанного», или «рассказывающего богословия», творчески интегрирующего и кооперирующего составные элементы имеющегося в распоряжении текста². Таковым является одно из преимущественных экзегетических направлений в современной западной библеистике. Оно представляет собой комплексный подход к изучению формальных характеристик текста, обеспечивающих читателю живое проникновение в мир действующих в нем стратегий: на уровне взаимосвязи мотивов и тем, персонажей и т.д. С этой точки зрения, широкая и динамичная картина описываемых в кумранских рукописях эсхатологических событий, находящая отражение в судьбах избранных персонажей, может послужить богатым материалом для нарративной критики.

Следующее замечание, формального характера, касается третьей части диссертации, состоящей из двух глав. Ее заглавие («Историко-литературный анализ 4Q246») соответствует содержанию четвертой главы, в то время как в главе пятой, заключительной, представлен богословский синтез всего исследования. В связи с этим целесообразно либо подобрать более общую формулировку заглавия третьей части либо вынести главу пятую в отдельную, заключительную, часть, что нам представляется более оправданным.

По содержанию нужно обратить внимание на заключение всей работы, состоящее из краткого перечисления, в соответствии с разбивкой на части, полученных результатов. В итоговом заключении подобного структурирования результатов следует избегать, отдавая предпочтение их творческому переосмыслению и направлению в нужное русло. Представляется необходимым также снабдить его дополнительными замечаниями более личного характера:

1 Примером исследований подобного рода служит докторская работа, защищенная в стенах Папского Библийского Института в 2009 г.: *Obara E. Le strategie di Dio. Dinamiche comunicative nei discorsi divini del Trito-Isaia. Roma 2010. 504 p.* Автор проводит детальный, структурный и грамматический, анализ еврейского поэтического текста сгруппированных тематически речей в корпусе Ис 56—66. Филологический анализ является отправной точкой для выявления коммуникативных механизмов, заложенных в аргументацию этих речей. Кроме того, здесь полезно будет обратиться и к методологическим основаниям определения понятий «тема» и «мотив», что имеет непосредственное отношение к предмету рассматриваемой диссертации: *Ibid.*, 22-25.

2 Ср. *Aletti J.-N. Il racconto come teologia. Studio narrativo del terzo vangelo e del libro degli Atti degli Apostoli. Roma, 1996. P. 7; Marguerat D. Entrer dans le monde du récit // Quand la Bible se raconte / Ed. Marguerat D. Paris, 2003. P. 36.*

напр., отметить трудности, встретившиеся в ходе работы, вопросы, не получившие однозначного решения; наметить дальнейшие пути развития темы, что автор успешно делает в автореферате.

С формальной точки зрения, обращает на себя внимание и чрезмерная классификация «заключений» в третьей главе, в то время как после самой этой главы заключение отсутствует, что видимым образом нарушает логическую структуру исследования. Ср.: «заключения» после каждого параграфа, «заключение первой, второй, третьей части». Удобнее использовать различные термины для разграничения заключений внутри каждой из частей (напр., «выводы»), после третьей главы («общие выводы») и в конце каждой части («заключение»). Трудно понять, в частности, и логические взаимосвязи в приводимой автором на стр. 122 схеме, по причине лаконичности и неоднозначности заключенных в ней фраз и выражений.

В отношении библиографии, помимо привлеченных источников, можно порекомендовать автору обратиться к двум следующим докторским работам, опубликованным в авторитетной серии *Analecta Biblica*, которые, на наш взгляд, имеют немаловажное значение при рассмотрении некоторых частных вопросов, органично входящих в научную канву данного исследования, как-то: образность, метафора; ангелология, — и могут быть полезны для дальнейшего уточнения его экзегетической панорамы (приводим их в сноске)³.

Подытоживая критический обзор диссертации, заметим, что вышеуказанные формальные недостатки не являются существенными и легкоустранимы. Стилистические ошибки в значительной степени объясняются особенностями данного исследования, постоянно апеллирующего к иностранным источникам и основывающегося на материалах защищенных автором на Западе магистерских работ. Нужно отдать должное проведенной им работе по переводу на русский язык и адаптации научного аппарата и фактического материала на иностранных языках, что само по себе требует огромных интеллектуальных усилий.

В целом, представленная к защите работа является редкостным примером соответствия поставленных целей и достигнутых результатов. Кандидат обнаруживает незаурядные знания в области древних и иностранных языков, прекрасно ориентируется в разнородном и избыточном лакунами материале и следует в фарватере передовых исследований в данной области, причем дает свою собственную, личную оценку поставленной проблемы. Настоящее исследование имеет большую практическую ценность, поскольку разрабатывает одну из малоизученных и спорных богословских тем не только кумранологии, но и всего новозаветного корпуса Библии, каковой является эсхатология. Принимая во внимание, что это — первая высококвалифицированная разработка данной темы, увенчавшаяся успехом и наметившая новые научные перспективы, полагаем, что диссертация заслуживает самой высокой оценки, а ее автор — искомой степени кандидата богословия.

пер. Филофей
30.05.2014

/ доктор теологии,
преподаватель Московской духовной академии
Иеродиакон Филофей (Артюшин)

*Подпись преподавателя МДА
Иеродиакона Филофея (Артюшина)
Канцелярия*
*Иеродиакон МДА
С. А. Виноградов*

30.05.2014

3 *Muszyński H.* *Fundament, Bild und Metapher in den Handschriften aus Qumran. Studie zur Vorgeschichte des ntl. Begriffs.* AnB 61. Roma, 1975. 266 p.; *Manzi F.* *Melchisedek e l'angelologia nell'Epistola agli Ebrei e a Qumran.* AnB 136. Roma, 1997. 434 p.